Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ.

Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 гг.). Томъ первый. Н. М. Павловъ. Москва 1896 г.

Въ европейскихъ литературахъ существуетъ множество сочиненій, написанныхъ, какъ говорится, для большой публики. Такихъ сочиненій много по исторіи, какъ и по другимъ наукамъ. Конечно, не всякая книга, написанная, хотя бы и просто, хотя бы безъ ученаго аппарата, можетъ считаться такой популярной книгой. Писатель популярный долженъ въ особенности удовлетворять требованіямъ своихъ читателей, которые ищутъ въ назначенной для нихъ книгѣ не столько поученія, сколько удовольствія. Большинство историческихъ сочиненій нашего времени обращаютъ преимущественное вниманіе на внутренній бытъ народовъ, ихъ устройство и экономическое положеніе. Такія подробности интересны для людей, уже много читавшихъ, а тѣ лица, которыя принадлежатъ къ такъ называемой большой публикѣ, болѣе всего могутъ интересоваться разсказомъ. Книгъ съ такимъ назначеніемъ у насъ очень мало; въ этомъ небольшомъ числѣ наиболѣе извѣстна «Русская исторія» Н. И. Костомарова. Книга эта, написанная живо и хорошо, много читается,

и по своему объему наиболѣе подходитъ къ типу такихъ произведеній; но значительная субъективность воззрѣній Николая Ивановича Костомарова дѣлаетъ его сочиненіе не совсѣмъ удобнымъ руководствомъ для людей мало подготовленныхъ. Конечно, «Исторію Россіи» С. М. Соловьева никто не считаетъ популярной книгой. Я съ своей стороны полагаю, что и Исторія Россіи Д. И. Иловайскаго можетъ быть съ пользою прочитана только людьми, уже знакомыми съ главными фактами русской исторіи. Несмотря на многія блестящія страницы (описаніе Константинополя, дворъ Владимира и Ярослава, борьба со степью, Куликовская битва и многое другое), несмотря на литературное изложеніе сочиненіе это не можетъ называться популярною книгою. Съ бо́льшимъ правомъ это названіе можно бы отнести къ «Древней Русской исторіи» Погодина, еслибъ она отличалась ровностью изложенія, и еслибъ не существовало второго тома, въ которомъ нѣсколько безъ системы и скучновато изложенъ внутренній бытъ Кіевскаго періода, да и самое изложеніе исторіи отдѣльныхъ княжествъ, нужное и приличное въ сочиненіи съ характеромъ болѣе ученымъ, чѣмъ популярнымъ, совсѣмъ не нужно въ сочиненіи популярномъ. Не говоримъ ужъ о книгахъ, написанныхъ для чтенія дѣтей и вообще воспитанниковъ учебныхъ заведеній: онѣ то слишкомъ кратки, то отрывочны.

Прочитавъ книгу, заглавіе которой выписано выше, я пришелъ къ тому убѣжденію, что, несмотря на ея обширный объемъ (первый томъ доходитъ только до смерти Андрея Боголюбскаго), книга эта наиболѣе удовлетворяетъ цѣли популяризованія историческихъ знаній. Въ живыхъ и яркихъ образахъ проходятъ передъ читателемъ главные дѣятели древней Руси. Въ особенности нельзя не остановиться на Владимирѣ Мономахѣ, Юріи Долгорукомъ (который впрочемъ нѣсколько идеализированъ) и Андреѣ Боголюбскомъ. Самое изложеніе автора невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе: книга написана языкомъ оживленнымъ, вполнѣ доступнымъ и близкимъ къ разговорному языку. Читатель, наименѣе подготовленный, не найдетъ въ ней ничего

такого, что было бы ему недоступно и непонятно. Воззрѣніе автора въ общемъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Его цѣль показать ясно и просто, какъ возрастало русское государство. Строгая критика, быть можетъ, остановится на томъ, что авторъ, подобно Карамзину, не настаиваетъ на различіи временъ Варяжскихъ и Кіевскихъ отъ Владимирскаго, хотя и сознаетъ, что собственное русское государство начинается во Владимирѣ. Онъ полагаетъ даже, что Юрій былъ то же, или почти то же, что и Андрей. Въ Юріи онъ видитъ такого же самовластителя, какимъ былъ его сынъ, стараясь объяснить стремленіе Юрія на югъ причинами болѣе или менѣе случайными. Слова нѣтъ о томъ, что государственная идея не вдругъ зародилась, что она была подготовлена долгимъ процессомъ, что въ особенности превосходно объяснено въ сочиненіи М. А. Дьяконова: «Власть Московскихъ государей». Тѣмъ не менѣе различіе періодовъ должно было бы быть обозначено болѣе ясно. Впрочемъ для цѣли, для которой должна служить книга Н. М. Павлова, вопросъ этотъ болѣе или менѣе второстепенный. Пусть читатель не упускаетъ изъ виду красную нить, проходящую черезъ всю русскую исторію, т. е. созданіе и укрѣпленіе твердой центральной власти. Мы бы желали встрѣтить въ занимающемъ насъ сочиненіи побольше указаній на то, что и въ Кіевскій періодъ сознаніе единства русской земли, хотя и безъ сознанія важнаго значенія центральной власти, было довольно замѣтно: и въ словахъ лѣтописи, и въ лампадѣ Даніила Паломника нельзя не видѣть этого сознанія.

«Русская исторія» Н. М. Павлова представляетъ собою, главнымъ образомъ, разсказъ событій, преимущественно государственныхъ и отчасти церковныхъ (о Ѳеодосіи говорится очень мало). Нѣтъ ни изображенія государственнаго устройства, ни экономическаго положенія страны, что впрочемъ, съ той точки зрѣнія, на которой мы встали вначалѣ, не составляетъ недостатка. Впрочемъ быть можетъ, что авторъ далѣе займется этими отношеніями, тогда мы пожалѣемъ о томъ, что онъ не

обставилъ своего разсказа этими подробностями. Отдѣленіе ихъ въ особыя главы придаетъ сухость изложенію. Вспомнимъ какъ Шайноха въ своемъ «Ягайлѣ» умѣетъ пользоваться бытовыми подробностями. Прибавимъ еще, что слѣдовало бы поговорить о главныхъ литературныхъ произведеніяхъ той эпохи; о самой лѣтописи авторъ говоритъ мимоходомъ и то только о первоначальной, которую онъ, по обычаю, называетъ Несторовой, о другихъ онъ не упоминаетъ, приводя только глухое указаніе на какія-то древнѣйшія лѣтописи, да въ одномъ изъ примѣчаній дѣлаетъ сличеніе показаній первоначальной лѣтописи съ такъ называемымъ Іаковлевымъ житіемъ Владимира. Изложеніе его вообще догматическое, что и должно быть въ такого рода сочиненіи. Но не слѣдуетъ выдавать домысловъ за факты, не слѣдуетъ говорить о какой-то варяжской вѣрѣ, господствующей въ Россіи до крещенія, въ особенности признавая, что пришедшіе къ намъ Варяги принадлежали къ разнымъ племенамъ; не слѣдуетъ также догадку нѣкоторыхъ ученыхъ, что Новгородъ населенъ изъ Старграда Поморскаго «выдавать за аксіому». Едва-ли строгая критика допуститъ признаніе Олега только опекуномъ Игоря, что въ свое время блистательно опровергнуто С. М. Соловьевымъ. Авторъ не всегда точно передаетъ показанія источника—такъ онъ говоритъ, что «Аскольдъ и Диръ — великіе бояре въ Варягахъ, они числились даже и князьями — однакожъ не русскаго княжескаго рода» (стр. 14). А Олегъ говоритъ по лѣтописи: «Вы нѣста князи, ни рода княжа, но азъ есмь рода княжа (Лавр. 22). Не знаю, откуда заимствовано показаніе, что преданіе о смерти Олега памятно въ народѣ именно изъ-за спора двухъ вѣръ языческой и христіанской, хотя преданіе это,—по всей вѣроятности, не русскаго происхожденія, что въ свое время было доказано М. И. Сухомлиновымъ,—могло само по себѣ поразить народную фантазію. Въ знаменитой рѣчи Святослава: «Здѣсь средина земли моей» авторъ прибавляетъ, неизвѣстно зачѣмъ, слово — «славянской», а послѣ перечисленія товаровъ, привозимыхъ изъ Греціи, — пишетъ: «и всѣ дары юга» (32 стр.). Называя Свя-

тослава Дунайскимъ, авторъ прибавляетъ: «такъ его звали въ народѣ», — неизвѣстно откуда это взято (38 стр.). Говоря о варягахъ, отосланныхъ Владимиромъ, авторъ фактъ этотъ относитъ ко временамъ послѣ крещенія, тогда какъ это случилось, какъ извѣстно, при самомъ вступленіи Владимира на Кіевскій столъ. Жена Мономаха Гида называется шведской принцессой, а она была дочь Гаральда Годвинсона, послѣдняго англо-саксонскаго короля, убитаго при Гастингсѣ. Разсказъ объ избіеніи половецкихъ князей (Лавр. 219—220) представляется въ такомъ видѣ, что эти половцы были просто разбойники (стр. 117—118).

Письмо Мономаха къ Олегу, равно какъ и Поученіе Мономаха, по мнѣнію автора, сохранились во многихъ спискахъ, чѣмъ онъ и доказываетъ ихъ распространенность въ тогдашней Руси, а между тѣмъ мы ихъ знаемъ только въ Лаврентьевскомъ спискѣ, и притомъ письмо къ Олегу сохранилось въ видѣ отрывка. Прибавимъ впрочемъ, что Поученіе Мономаха изложено авторомъ весьма обстоятельно. Въ лѣтописи (Ип. 230) говорится, что Изяславъ, собравъ христіанъ и поганыхъ, сказалъ имъ: «Братья! Всеволода имѣлъ брата старѣйшаго» и т. д. Авторъ передаетъ такъ это обращеніе: «О мои милые и любезные кіевляне и *черкасы* и весь черный клобукъ и т. д.» (стр. 219). Эти черкасы поминаются не разъ на страницахъ книги г-на Павлова, я положительно недоумѣваю, откуда они туда зашли, но никакъ ужъ не изъ Кіевской лѣтописи, важнѣйшаго памятника для изученія исторіи этого времени. Въ лѣтописи Юрій Долгорукій уговариваетъ Берендѣевъ отпустить плѣненныхъ ими половцевъ; Берендѣи отвѣчаютъ: «мы умираемъ за Русскую землю съ твоимъ сыномъ, и головы своя съкладаемъ за твою честь»; а г-нъ Павловъ передаетъ это слѣдующимъ образомъ: «мы головы свои складаемъ за Кіевскихъ князей, дескать, и не скрываемъ, что захватили много добра и плѣнныхъ отъ окаянныхъ Половцевъ; такъ дай намъ Богъ и всѣхъ ихъ переловить. Такого нѣтъ порядка, чтобъ мы собственное добро, захваченное на войнѣ у враговъ, имъ же и отдавали назадъ; на то мы и не щадимъ жизни на

службѣ русскихъ князей» (стр. 274). Можно бы найти и другія подобныя отступленія отъ источниковъ, но мы продолжать не будемъ, надѣясь, что авторъ при второмъ, весьма желательномъ, изданіи своего сочиненія строго его пересмотритъ. Укажемъ только на одну особенность его изложенія: онъ любитъ придавать эпитеты историческимъ лицамъ, которые и сохраняетъ при всякомъ упоминаніи ихъ имени. Такъ у него является не только Ярославъ Мудрый, что нынѣче вошло почти въ общее употребленіе, но Изяславъ Первородный, Святославъ Насильникъ, Всеволодъ Правый. Если не ошибаюсь, подобные эпитеты ввелъ Мальгинъ въ «Зерцалѣ русскихъ государей», не думаю, чтобы этотъ примѣръ заслуживалъ подражанія.

Конечно, всѣ эти, весьма мелкіе, недостатки не должны затемнять важныхъ и серьезныхъ достоинствъ разбираемой книги.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Извлечено изъ тома I-го книжки 1-ой Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1896 года. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).